

Лана Ежова

ЕЁ ТЁМНЫЕ РЫЦАРИ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Е41

Ежова, Л.

Е41 Её тёмные рыцари / Л. Ежова. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 440 с.

Ночь скрывает чудовищ и тайны, а город никогда не спит — об этом стоит помнить тем, кто решил заглянуть в мир полуночников хотя бы одним глазком.

Моя жизнь резко изменилась с потерей воспоминаний длиной в два месяца, после встречи с двумя незнакомцами, утверждающими, что они рыцари Гласа Полуночи, мои телохранители и помощники. Интриги и ссоры детей Ночи, загадочные убийства и чужие секреты. Но и в круговерти событий я не оставляю попыток понять, почему согласилась пройти ритуал, связавший с вампиром и оборотнем? Зачем и кто украл кусок моей памяти? А, главное, как устоять перед соблазном остаться со своими рыцарями, ведь всей душой я жажду вернуться к прежней спокойной жизни?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-90827-1

© Лана Ежова, текст и обложка,
2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии,
2020

ГЛАВА 1

Я очнулась в ванне, полной холодной крови.

Нет, так мне показалось со страху — вода тревожно розовела в электрическом свете, и кровь в ней присутствовала однозначно, но в ничтожном количестве. Ароматическая пенка прибилась к бортикам печальными хлопьями. В затылке отдавало тупой болью, ныла левая нога выше колена. Приподнявшись, разглядела глубокую рану, словно кто-то не просто сделал надрез, а еще и поковырялся в нем. Кровь, странное дело, не шла, будто бедро уже начало подживать и водой его всего лишь размягчило.

Откуда это? Что с ногой? Со мной? Что? Не помню...

Не помню... и, кажется, не хочу вспоминать. В голове звон. Ни одной связной мысли, лишь что-то неуловимо-хаотичное и сейчас ненужное.

Пошатаваясь, вылезла из ванны на коврик. Кожа на ладонях и ступнях сморщилась от долгого пребывания в воде, все тело чесалось от хлорки. Не вытираясь, накинула халат и полотенцем перетянула ногу — это сейчас кровотечения нет, а если подвигаюсь, вдруг хлынет?

Машинально спустила кровавую купель. Воронка, быстро закручиваясь, втягивала в канализацию воду, мыльную

пену и мою кровь. Ого, сюрприз! На дне ванны лежал нож. Судя по костяной ручке и изогнутому лезвию, он не предназначался для кухонных экспериментов.

Находка подстегнула мысли, разгоняя туман апатии. Похоже, рану нанес не кто-то, а я сама. Неужели резала вены? Хм, на ноге? И свести счеты с жизнью я собиралась оригинально — охотничьим ножом? И перерезала не артерию, а тупо поковырялась в «мясе»? Что-то искала? Жуть...

Не знаю почему, но мне захотелось поскорей смыть все следы неудавшегося «самоубийства». Ледяной водой ополоснула ванну и нож. После чего засунула оружие в нишу под умывальником.

И тут я увидела ее.

На полу лежала конусообразная штука серебристого цвета. Если верить фильмам-боевикам, это пуля. Если верить здравому смыслу, что скромный библиотекарь и пуля — понятия из разных несоприкасающихся реальностей, то это неопознанная деталь от какого-то странного предмета. Ладно, разберусь потом, а пока пусть полежит на полочке с банными принадлежностями.

Если память совсем не ушла в загул, то аптечка должна быть на кухне, на полке с чаем и специями. Так и есть. Вата, перекись, бинт — все, что мне нужно.

Кровь уже запеклась и не сочилась, да и порез оказался не такой глубокий, как мне поначалу привиделось. Правильно говорил дед, у страха глаза велики. И все же я обработала рану, притом почти не морщась. В кино такие повреждения доводят героев до обмороков. Адских мук не испытала, перевязала быстро. Как бы узнать, нужно ли такие раны зашивать? Или само зарастет? Я ненавидела ходить в больницу: в очередях с бабулями можно заработать ипохондрию — столько разных болячек обсуждают, настоящих и выдуманных, что плохо становится.

За окном глубокая ночь. Задерживая шторы, обратила внимание, что мой кактус чуточку подрос. Вот что значит нырнуть с головой в работу — время летит, ничего не замечаешь.

Чайник, поставленный на огонь, напомнил о себе пронзительным свистом. Заварив зеленый с жасмином, смилостивилась над своим организмом и выпила вожаделенную таблетку обезболивающего. Завтра буду расплачиваться за это россыпью красных прыщей на лице — у меня аллергия практически на любое лекарство.

Высыпав на тарелку печенье, поняла, что если не посмотрю какую-нибудь комедию, не выдержу и позвоню Тимуру — поплакаться о попытке суицида. И мой верный друг примчится с «лекарством от печалей» — пивом, вяленой рыбкой и солеными орешками. И тогда к прыщам добавятся мешки под глазами и ядерный перегар. Как раз именно то, в чем нуждается девушка с амнезией. Почему я ничего не помню? Что со мной произошло? Нет ответа. Начинаю думать об этом — и виски словно сдавливает холодным обручем.

С чаем, тарелкой печенья в руках и бутербродом в зубах я перешла в комнату. От увиденной картины хлеб выпал из рта маслом на пол, чай пролился на ковер. На диване — на моем любимом диване! — перед беззвучно работающим телевизором лежал труп.

Боже мой, я попала...

Первую реакцию — страх и оторопь — сменило сомнение. С чего я взяла, что это труп? Может потому, что он не вскочил на ноги, когда я заорала истошным голосом? А еще он был неестественно бледен, с умиротворенным лицом. Именно так и выглядят мертвецы — я-то знаю точно, так как недавно похоронила деда, а вслед за ним и бабушку. И все же надежда, что я поспешила с выводами, оставалась.

Дрожащими руками поставила посуду на журнальный столик и склонилась над телом. Господи, пожалуйста! Умоляю, пусть он будет жив! Пусть он спит, просто очень-очень крепко...

Ну-ну, не с моим-то счастьем. Я с силой потыкала пальцем в живот незнакомца — никакой реакции, а был бы живой, точно проснулся бы.

Стройное, худощавое тело принадлежало мужчине не старше тридцати лет. Выразительное, красивое лицо с тонкими чертами обрамляли золотисто-пшеничные волосы, находящиеся в состоянии легкой растрепанности, несомненно, стараниями парикмахера. На незнакомце была дорогая одежда: серый костюм, бледно-розовая рубашка, фиолетовый галстук в серую полоску. Из нагрудного карманчика пиджака даже торчал платок, кажется, шелковый. Мертвец «посмел» лежать на моем диване редкого кофейного цвета, не сняв обувь. К ужасу примешалось раздражение: ненавижу, когда по моему дому ходят обутыми. И мне плевать, что его кожаные туфли наверняка стоят дороже моей мебели, плевать, что он мертв! Я хотела поскорее сбросить наглеца с раритетной вещи, доставшейся мне от родителей. За такую наглость можно и убить!

Стоп! А не я ли его убила? Морозом сыпануло по коже, кажется, все волоски на спине и руках встали дыбом. Память, гадина, молчала, предательница-совесть затаилась, не подавая ни звука.

Первый вопрос: кто этот гражданин и как он здесь оказался? Второй: как и кто его убил? И третий, самый важный для меня: что делать с трупом?! Наверное, я прирожденная преступница — воображение уже рисовало картинки, как я вызваниваю Тимура, и, закатав покойника в ковер, мы возим его в багажнике автомобиля в ближайшие посадки.

Или лучше вообще за город? Ой, а если друг в командировке? Что тогда делать с трупом? Мамочки, о чем я только думаю?! Сейчас чуть успокоюсь и пойду звонить туда, куда полагается.

Нагрудный карман оттопыривался больше положенного. Возможно, там, под щегольским платком, есть какие-нибудь документы? Недолго думая, я сбросила шлепанцы и приблизилась к телу. Нечаянно коснулась руки — еще не закончила. Ага, водительские права на имя Болконского Андрея Николаевича. Ого, как у моего любимого героя Толстого! Жаль, что он умер, в смысле этот Болконский, возле которого сижу, а не писатель... Впрочем, автора «Войны и мира» тоже жалко. А жальче всех, конечно, себя.

Слезы хлынули сплошным неудержимым потоком. Обхватив голову руками, я уселась рядом с бездыханным незнакомцем. Что за жизнь? Из памяти вырван кусок воспоминаний... мертвец на любимом диване... Как же я попала!

— Герда, что случилось? Почему ты плачешь?

Я заорала, когда прохладные пальцы коснулись моих ладоней.

— А-а-а! — взвизгнув, отскочила назад — и грохнулась на пол.

— Герда! Что с тобой, маленькая?!

Испуг в голосе «трупа», а главное, то, что он назвал меня маленькой, немного привело в чувство. И когда он попытался помочь мне подняться, резво отскочила за кресло.

— Герда, что случилось?

Мужчина медленно спрятал руки за спину, словно показывая, что не собирается больше ко мне прикасаться.

— Ты жив? — спросила неуверенно.

Раз он мне «тыкал» и называл по имени, фамильярничать позволено и мне.

— Разумеется, — кивнул мужчина, удивленно наблюдая за каждым моим движением. — Что со мной станется?

— А почему тогда не реагировал, когда я тебя пыталась растолкать?

— Думал, это новая игра такая — спящий красавец и девушка в коротком халатике, под которым нет нижнего белья...

Проследив за его заинтересованным взглядом, покраснела и туже затянула пояс. Незнакомец — хоть убей, но не поворачивался у меня язык называть его Андреем Болконским! — с деланным разочарованием вздохнул.

Чтобы вернуть ситуацию в нужное русло, я перешла в наступление:

— Что ты здесь делаешь? Кто ты такой? И почему лежишь на моем диване в обуви?

Серые глаза блондина прищурились.

— Герда, мы продолжаем играть?

— Нет. Что происходит?

— Маленькая, ты головой ударилась? — хмыкнул он весело.

А я возьми и признайся:

— Угу. Затылком. Наверное, когда принимала ванну. И теперь не все помню. Тебя так точно.

Блондин выругался. Нет, я не поняла, что конкретно он произнес, если не ошибаюсь, на французском. Но повышенный тон и эмоции в голосе указывали, что он не восхвалял сегодняшнюю прекрасную ночь.

— Затылком? Разрешешь посмотреть?

И он осторожно, как к пугливому животному, двинулся в мою сторону. Признаюсь, сравнение, подкинутое воображением, показалось унижительным. И я безбоязненно развернулась к Болконскому спиной, перекинув влажные волосы через плечо. В защиту взыгравшей смелости скажу,

что, желей он мне зла, давно бы свернул шею, ведь в квартире мы одни.

Длинные пальцы аккуратно дотронулись до моей головы. Легкие, нежные касания оказались нестрашными и приятными.

— Ничего нет, ни ссадины, ни гематомы, — сообщил он, продолжая массировать уже шею и плечи. — Ты уверена, что ударилась, Герда?

Мое дурацкое, ненавистное с детства имя из его уст прозвучало мягко, словно оно ему нравилось.

— Лазарус! Тварь! — рыкнули позади. — Убери от нее свои грабли!

Чуть не получив разрыв сердца, прижалась к груди гостя, который тотчас охотно обнял.

— Не ори, Руслан, имей совесть, — хладнокровно отозвался блондин.

— Кто из нас ее еще имеет! Пока я объезжаю супермаркеты в поисках шоколадного торта с клубникой, ты лапаешь мою Герду!

Его?! Удивленно хлопнув ресницами, обернулась посмотреть на объявившегося собственника. На пороге комнаты застыл высокий шатен с очень злыми зелеными глазами. Темно-синие джинсы с кожаным ремнем и черная футболка с географическим принтом не скрывали атлетического телосложения, подчеркивая рельефную мускулатуру. Ого, какой крупногабаритный парень... Жаль, что симпатичную внешность сейчас портило выражение ярости. Ух, теперь я представляю, каков убийственный взгляд!

— Лазарус, оглох? Прочь руки от Герды! Или они прилипли? Так я могу помочь их отодрать!

По тону стало понятно, что отдерет он их насовсем, сделав светловолосого инвалидом. Придется вмешаться — или трупы в моем доме все-таки появятся.

Я открыла рот, собираясь потребовать, чтобы они сбавили обороты, как Болконский — или Лазарус? — меня опередил, сдержанно заметив:

— Руслан, успокойся, ты пугаешь Герду. Пока тебя не было, кое-что произошло, ты должен знать...

— Что? Ты... ты посмел прикоснуться к ней, гад?!

Я не поняла, о чем вообще шла речь, но шатен вдруг оказался рядом с нами. И неуловимым движением отшвырнул от меня блондина. Врезавшись в стену и отскочив от нее резиновым мячом, Болконский налетел на Руслана. Сцепившись, мужчины смерчем завертелись по комнате. Сначала я, зажав рот ладонями, забилась в угол из опасений попасть под раздачу. Но слыша, как трещит мебель и разбиваются вазы из коллекции бабушки, не выдержала.

И завопила:

— Прекратите! Да кто вы вообще такие? И что делаете в моей квартире?!

Парень, называемый Русланом, удивленно обернулся, нарываясь на удар по почкам. Даже не скривившись от боли, он встревоженно воскликнул:

— Герда, ты не помнишь, кто мы?

— Нет! Не помню! — Хотелось добавить «придурки», но в последний момент чудом сдержала рвущееся слово.

Драка мгновенно закончилась. Мужчины обеспокоенно переглянулись и усталились на меня.

Тот, кого называли Лазарусом, несмотря на совершенно иное имя в водительских правах, вздохнув, принялся рассказывать:

— Увидев меня, Герда испугалась. Думаю, у нее частичная амнезия. Возможно, она ударилась, поскользнувшись в ванной. Или повлияло то, как мы втроем провели вечер.